

УДК 903.59(571.56)

ББК 63.48(2Рос.Яку)

**Материальная культура верхоянских якутов
XVIII–XIX вв.: одежда, украшения, инвентарь
(по данным погребений)**

*Н.С. Кирьянов^{1,2}*¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия)²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Material Culture of the Verkhoyansk Yakuts of the 18th–19th
Centuries: Clothing, Jewelry, Inventory (Based on Burial Data)**

*N.S. Kiryanov^{1,2}*¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)²Altai State University (Barnaul, Russia)

В настоящее время материальная культура верхоянских якутов все еще остается малоизученной, несмотря на то, что бассейн реки Яна является одним из трех основных очагов якутского расселения наряду с Лено-Амгинским междуречьем и Вилюем. Причиной этому являлось долгое отсутствие целенаправленных археологических и этнографических исследований в регионе, материалы которых позволили бы предметно говорить о характере быта и культуры местного якутского населения. Практически до недавнего времени средневековая история Верхоянского района базировалась исключительно на данных фольклора и этнографии, конкретные же памятники этого периода были неизвестны. В статье приведены основные категории вещей и предметов, полученных в результате раскопок якутских погребений XVIII–XIX вв. Саха-французской археологической экспедицией (MAFSO) в 2010–2012 гг. Всего исследованы материалы 27 погребений в четырех наслегах района: мужских, женских, детских и подростковых, которые свидетельствуют о высокой степени близости и сходства одежды, украшений и инвентаря верхоянских якутов с населением Центральной Якутии. Полученные данные, наряду с другими источниками, подтверждают основную гипотезу о широком заселении якутами северо-востока уже в период вхождения Якутии в состав Российского государства.

Ключевые слова: MAFSO, якуты, погребения, Верхоянский район, одежда, украшения, инвентарь.

At present, the material culture of the Verkhoyansk Yakuts requires further study in spite of the fact that the basin of the Yana River is one of the three main centers of the Yakut settlement, along with the Leno-Amginsky interfluvium and the Vilyui river. This lack of study was due to the long absence of specific archaeological and ethnographic research in the region, the results of which would allow one to describe the way of life and a culture of the local Yakut population. Until recently, the medieval history of the Verkhoyansk district was based entirely on the folklore and ethnography; specific monuments of this period were unknown. The article lists the main categories of objects and items obtained as a result of excavations of the 18th–19th centuries Yakut burials by the Sakha-French archaeological expedition (MAFSO) in 2010–2012. All the investigated materials are 27 burials of the four areas ("nasleg"): men's, women's, children's and adolescent's burials, which indicate high degree of closeness and similarity of clothes, ornaments and inventory of the Verkhoyansk Yakuts to ones from Central Yakutia. The obtained data along with other sources confirm the basic hypothesis that settling of the Yakuts in the North-East occurred during the annexation of Yakutia into the Russian State.

Key words: MAFSO, Yakuts, burials, Verkhoyansk district, clothes, decorations, inventory.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-36

В настоящее время материальная культура якутов XVII–XIX вв. представлена различными (археологическими, этнографическими, музейными, и др.) комплексами вещей и предметов, которые отражают хозяйственно-бытовой уклад населения преимущественно Центральной Якутии (Лено-Амгинского междуречья), где расположено наибольшее число улусов [1–3]. Представления о самобытном облике еще двух основных очагов якутского расселения — на реках Вилюй и Яна, долгое время базировались исключительно на письменных и фольклорных данных, отраженных в трудах дореволюционных исследователей — Р.К. Маака [4], И.А. Худякова [5], В.Л. Серошевского [6] и др. Конкретные памятники этого времени были открыты и стали изучаться сравнительно недавно [7–9]. В целом, специалисты сходятся во мнении о большой степени близости и сходстве всех упомянутых регионов в социально-экономическом и культурно-историческом плане, считая их единым ареалом, где проживают якуты. Однако провести предметно какие-либо аналогии или сравнения пока затруднительно ввиду отсутствия в публикационном поле основного корпуса имеющих источников по вилюйским и янским якутам. Материал в большей степени разрознен по музейным и частным коллекциям, архивам, в отчетной документации, что не позволяет оперативно его использовать. В этой связи настоящая работа ставит своей главной задачей введение в научный оборот материалов раскопок якутских погребений XVIII–XIX вв., осуществленных Сахарно-французской археологической экспедицией (MAFSO) в 2010–2012 гг. в Верхоянском районе Якутии.

Всего в ходе работ изучен 31 памятник, в число которых, кроме самих погребений, входят один обрушенный арангас без покойника (Бюгуйэх I), один кенотаф (кремация?) (Бюгуйэх II) и два захоронения лошадей (Бахтах II, Тумески). Половозрастной состав оставшихся 27 погребений (8 из которых — христианские*) следующий: мужские — 14 (в том числе подростки от 10 до 17 лет — 4), женские — 8 (в том числе молодые девушки до 18 лет — 2), взрослые (пол не определен) — 2, дети и младенцы (до 7 лет) — 7. Сюда же относятся два памятника с обрядом парного захоронения — Ыарылылаах (мальчик и девушка, брат и сестра) и Тысагастаах (взрослая женщина и ребенок, не являющиеся родственниками), и одно коллективное — Лепсей II (молодая женщина с двумя новорожденными) [10–12]. Все памятники обнаружены на территории Арылахского, Бабушкинского, Борулахского и Дулгалахского наслегов района.

Остатки надмогильных построек в большинстве случаев сохранились и представляли собой изначально низкий четырехугольный сруб из тонкомерных лиственничных бревен, или жердин (уложенных в не-

сколько венцов в «обло»), крытый сверху двускатной крышей — традиционное якутское надмогильное сооружение типа *чардаат* [13, с. 38–40]. Среди самих могильных конструкций также преобладает традиционное якутское *холбо* — продолговатый ящик-гроб с днищем и крышкой из досок или плах, где крепление осуществлялось вставкой треугольных концов торцевых стенок в аналогичные пазы продольных [13, с. 60–63]. При этом в 16 погребениях гроб вложен в подобную же ему гробовину несколько большего размера — тип двойной конструкции *тэбиэх* [13, с. 66–67]. Берестяное покрытие крышки гроба наблюдается только в одном мужском погребении — Кюереллях I. Другой распространенный тип гроба — колода *куорчах* [13, с. 63–65] зафиксирована пока только в пяти случаях: погребениях старого мужчины (Бахтах III) и подростка (Бюгуйэх III), и трех младенческих (Таргана I, Юеттях, Кэлипсэ). Заметной отличительной чертой части могильных сооружений Верхоянского района от памятников Центральной Якутии [2; 7] и Вилюя [9] является наличие дополнительного одного или двух «замков» из одной поперечной перекладины и двух вертикальных столбов (или пикетов), дополнительно скрепляющих гроб или гробовину снаружи (зафиксировано в 7 погребениях). Подобная конструкция заметно напоминает форму якутского воздушного захоронения — *арангас*, в чем можно усматривать ее непосредственное влияние на грунтовую.

Одежда разной степени сохранности зафиксирована только во взрослых и подростковых погребениях. В детских и младенческих захоронениях только в двух случаях отмечено наличие кожаной шапочки (Таргана I, Юеттях), сами же тела завернуты в выделанное кожаное или меховое (жеребьячье либо лошадиное) покрывало. Наиболее выразительный состав мужской одежды зафиксирован в семи дохристианских (взрослых — Алыы, Атыыр-Мэйиитэ I, Бахтах III, Кердюген, Кюереллях I, подростковых — Бюгуйэх III, Куранах) и двух христианских (Кускегир II, Былдысык II) погребениях. Головной убор (як. *бэргэһэ*) в основном представлен капоровидной шапкой мехом наружу из соболя или лошади с тульями (или без них) с завязкой на подбородке или затылке. В двух погребениях на шапках отмечен диск — як. *туосахта* (Кюереллях I — железный, Куранах — медный), в погребении Бахтах III на шапке имеются рожки (як. *муостаах бэргэһэ*) [14, с. 20–21]. Лица мужчин часто прикрыты — например, шкуркой соболя (либо дополнительной соболиной шапкой, одетой на лицо) или лошади, в случае с погребением Атыыр-Мэйиитэ I — деревянной чашей (як. *кытыя*), в христианских — платками.

Верхняя наплечная одежда двух самых состоятельных погребенных — Бахтах III и Кердюген

* Под христианскими понимаются погребения людей, в чьих могилах присутствуют такие обязательные атрибуты культа, как нательный крест, свечи, саван и т.п. (т.е. в отношении которых был совершен обряд таинства).

(вероятно, глав родов или семей — у каждого зафиксировано по одному сургучному (?) перстню-печатке) состоит из двух нарядов: шубы (як. *сангыях*) из соболя с оторочкой и пальто (як. *сон*) из сукна под ней, причем в Кердюген — пальто красного цвета импортного производства (вероятно, английского). В остальных случаях на мужчин чаще всего надета лошадиная шуба (или доха) мехом наружу с подбивкой из заячьего меха, иногда — с окантовкой (например, соболя и др.). В христианских погребениях — демисезонное пальто из сукна или дабы, также с меховой окантовкой. Пуговицы у одежд (як. *чончу*) — бронзовые гирьковидные или в виде шляпки с ушком.

Внутренняя одежда в основном маловыразительна, лишь в отдельных случаях можно определенно утверждать, что это была рубашка из тонкой выделанной кожи (Кердюген) или короткое пальто из жеребьячей шерсти (Бюгуйэх III). В погребении Алыы шубу надели на голый торс. Частым атрибутом в мужских погребениях (кроме христианских) являются неширокие кожаные пояса с медными пряжками и наружными пластинами разных форм и дизайна [15, с. 55].

Облик и крой представленных мужских натазников (як. *сыалдьы*) — часто двойных, ноговиц (як. *сутуруо*) и торбазов (як. *этэрбэс*), а также обуви (як. *саары*) и носков (як. *кэнчи*), изготовленные из лошадиных, оленьих и соболиных шкур (в отдельных случаях — выделанной кожи), являющихся, по всей видимости, зимними, повторяют в основном аналогичные им вещи из памятников Центральной Якутии [2, с. 69–70; 3, с. 54; 14, с. 47–60]. Однако в отличие от последних нижние края ноговиц (на уровень щиколотки) у верхоянских мужчин-якутов обшиты трехцветным (бело-сине-черным, черно-бело-голубым) бисером. Рукавицы (як. *ютюлюк*) отмечены в погребениях Куранах (меховые), Бюгуйэх III и Кердюген (из выделанной кожи) и Былдьасык II (матерчатые).

Женский наряд и украшения наиболее представительны отмечены в четырех дохристианских погребениях: девушек (до 18 лет) — Ыарыылаах и Сордонгноох, молодой женщины (старше 18 лет) — Тысагастаах, и пожилой женщины около 60 лет — Кюереллях II. Головной убор представлен в пяти случаях капоровидными соболиными шапками, близкими по фасону к якутским *дыабака* или *чолтой* [3, с. 6–12], в Тысагастаах — соболиная шапка с рожками, в Бахтах I — из лошадиного меха с опушкой из соболя, в Атыыр-Мэйийтэ II — из выделанной кожи (наподобие замши). Диск *туосахта* отмечен в Кюереллях II, Тысагастаах, Сордонгноох.

В отличие от мужских нарядов женские, как правило, богато декорированы (чаще — расшиты) бисером и бусинами белого, голубого, синего, черного цветов, а также украшены вставками или полосками из сукна, дабы, шелка и др. Обычно на женщин надевали две одежды: наплечную шубу из соболя, а под ней —

короткое пальто или платье с короткими рукавами или без них из выделанной тонкой кожи (чаще лошадиной или оленьей), иногда с набедренными украшениями (як. *эттюк симэхэ*), и только в погребении Сордонгноох имелось еще одно пальто, аналогичное найденному в Кердюгене, красного цвета (вероятно, также импорт), вышитое бисером и тканевыми полосками. Почти такое же пальто отмечено в женских погребениях Елечей I в Мегино-Кангаласском районе Центральной Якутии [9, с. 158]. Шубы в трех случаях подпоясывали широким кожаным ремнем с медной профилированной пряжкой, расшитым бусинами и бисером (Ыарыылаах, Сордонгноох, Кюереллях II), а в Тысагастаах — менее широкий и без какого-либо декора. В других женских погребениях ремни не отмечены.

Натазники и ноговицы сделаны преимущественно из выделанной лошадиной кожи или шкуры без меха и также украшены бусинами и бисером. Особенно выделяются наиболее нарядные экземпляры из трех погребений (видимо, зимние парадные) — Сордонгноох, Ыарыылаах, Кюереллях II. Торбаза и носки в большей степени схожи с мужскими. Рукавицы в женских захоронениях отсутствуют.

Из мужских украшений, как уже упомянуто, зафиксировано только два бронзовых перстня-печатки в погребениях наиболее состоятельных людей старшего возраста (Бахтах III, Кердюген). Орнаментальная композиция перстня из Кердюгена полностью аналогична перстню пожилой женщины из коллективного захоронения начала XVIII в. Охтобут (другое название — Шаманское дерево I) в Чурапчинском районе Центральной Якутии [9, с. 46, рис. 1].

Женские украшения представлены металлическими (преимущественно, бронзовыми) изделиями: четырьмя шейными гривнами (як. *кылдьы*) — одной петлеобразной (из 4 петель) из круглого перекрученного дрота (Тысагастаах) и тремя пластинчатými, выполненными листовой чеканкой (Ыарыылаах, Сордонгноох, Кюереллях II), а также двумя шейными пластинчатými браслетами (як. *бэгэх*, или *моой симэгэ*) (Сордонгноох, Лепсей II), тремя украшениями передней части натазника (як. *кыабыка симэхэ*) (Ыарыылаах, Тысагастаах, Кюереллях II), двенадцатью ушными серьгами (як. *ытарга*) (Ыарыылаах — 2 шт., Сордонгноох — 4 шт., Тысагастаах — 4 шт., Кюереллях II — 2 шт.), парой наручных браслетов (Сордонгноох, Кюереллях II), двумя цельнолитыми перстнями без орнамента (як. *сирэйдээх бисилэх*, или *убурут*) и двумя разъемными серебряными кольцами (як. *бисилэх*) (Кюереллях II). Гривна из Сордонгноох и шейный браслет из Лепсей II с спинной части дополнительно украшены медными латунными жетонами-подвесками. Все эти вещи являются типичными и не выпадают из общего облика традиционных якутских женских украшений XVIII–XIX вв. [1; 3; 6; 7; 15].

Сопроводительный инвентарь памятников различается главным образом по гендерному принципу хозяйственного разделения труда, в христианских же погребениях он отсутствует, и имеются в основном только предметы культа (нательный крест, свечи). Так, в мужских захоронениях зафиксированы следующие охотничьи атрибуты: лук северного «таежного» типа и простой недекорированный колчан со стрелами (Атыыр-Мэйиитэ I, Кюереллях I, Бахтах III, Алыы), где наконечники стрел представлены в большей степени железными экземплярами листовидной формы с черешком и срезными, а также костяными треугольными и деревянными (томарами) типами; пальма (як. *батыя*) (Кюереллях I, Бахтах III, в Алыы — возможно, более удлиненная форма *батас*), топор (Атыыр-Мэйиитэ I), железный походный котелок (Атыыр-Мэйиитэ I, Кюереллях I), кнут (?) (Кюереллях I). Из женских погребений только в Кюереллях II присутствуют ножницы (як. *кытыый*). К предметам общего пользования можно отнести железный нож (як. *бысах*) в рукояти или без таковой (отмечен в большинстве случаев), а также медный котелок и другая деревянная (в том числе березовая) и берестяная посуда — такие, как высокий кубок на ножке (як. *чорон*), невысокий кубок без ножки (як. *матаарчах*), *кытыя* и туес, в некоторых случаях — с остатками молочных и мясных продуктов. Две курительные трубки традиционного облика (як. *хамса*) зафиксированы в Алыы и в христианском мужском погребении Оус-Сирэ I, в женском Бахтах I — трубка эвенкийская. В ряде по-

гребений зафиксированы лошадиные ребра — остатки поминальной пищи (тризны).

В целом, все перечисленные предметы также находят себе аналогии в традиционном инвентаре якутов и принципиальных отличий не имеют [7; 9; 16]. Разница пока наблюдается только в орнаментике наружного вида чоронов. Так, в верхоянских материалах декор более упрощен в сравнении, например, с такими же сосудами из Центральной Якутии, где наблюдается более широкая творческая фантазия. Из чего можно предположить, что местные мастера скорее имитировали, подражали известным им образцам из центральных районов Якутии, не стараясь вносить в них элементы собственного индивидуального подхода.

Раскопки якутских погребений XVIII–XIX вв. в Верхоянском районе свидетельствуют о большой степени сходства материальной культуры местного населения с районами Центральной Якутии этого же времени, что вполне согласуется и с другими источниками (прежде всего данными из фольклора и этнографии), указывающими о тесной связи предков верхоянских якутов с населением Лено-Амгинского междуречья, в первую очередь с алданскими родами — батагайскими, борогонскими, баягантайскими и др. [5; 6; 16]. Более ранние памятники (т.е. до начала XVII в.) на сегодняшний момент не обнаружены, что пока не противоречит основной версии о более широком освоении якутами северо-восточных окраин уже в период вхождения Якутского края в состав Российского государства [17].

Библиографический список

1. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. — М., 2012.
2. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). — Якутск, 1971.
3. Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII — XX вв. — Якутск, 2010.
4. Маак Р.К. Вилуйский округ Якутской области : в 3 ч. — 2-е изд. — СПб., 1883–1887.
5. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. — Л., 1969.
6. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — 2-е изд. — М., 1993.
7. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. — Якутск, 1993.
8. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). — Новосибирск, 2008.
9. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. — Якутск, 2012.
10. Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human Adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale — 2010 (Rapport). — Toulouse, 2010.
11. Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human Adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale — 2011 (Rapport). — Toulouse, 2011.
12. Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human Adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale — 2012 (Rapport). — Toulouse, 2012.
13. Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. — Новосибирск, 1998.
14. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX — начало XX века. — Новосибирск, 2001.
15. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. — Якутск, 1995.
16. Исторические предания и рассказы якутов : в 2 ч. — М. ; Л., 1960. Ч. 2.
17. Казарян П.Л. История Верхоянска. — 2-е изд. — Якутск, 2003.